

## БЕЛОРУССКОЕ КНИГОВЕДЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ 1920-Х ГОДОВ

ЛАРИСА ДОВНАР

Белорусский государственный университет культуры и искусств,  
Кафедра теории и истории информационно-документных коммуникаций  
ул. Рабкоровская 17, Минск, 220007, Республика Беларусь

Целью нашего исследования является определение основных направлений становления и развития белорусской науки о книге в контексте национального возрождения. В связи с этим необходимо было решить задачу определенной реконструкции знаний о белорусской книге в период 1920-х гг., ставших одной из основных опор в процессе идентификации нации.

Развитие белорусского книговедения в 1920-е годы было тесным образом связано с процессом национального возрождения, вторая волна которого поднялась в БССР в 1918–1929 гг. и в Западной Беларуси – в 1921–1939 гг. [3]. Этот период можно назвать наиболее плодотворным периодом развития белорусской нации, духовное возрождение которой связывалось, в первую очередь, с развитием национального текста<sup>1</sup>, как высшего проявления творческого национального духа, креативных способностей нации. Ведь именно национальный текст создает культурное пространство жизнедеятельности нации. В нём аккумулируются исторический, культурный и социальный опыт нации [2]. Обращение белорусской интеллигенции к своему историческому прошлому стало не просто желанием описать реалии древности, а стремлением непосредственно воздействовать на современность, сформировать общественное сознание в духе сбережения своих исторических корней, которые прямо свидетельствовали о

---

<sup>1</sup> Национальный текст – любая семантическая структура, в которой отражаются мировоззрение, менталитет и характер данного народа (нации).

наличии мощной и устойчивой государственности, оказавшейся утраченной, а память о ней уничтоженной.

Только в 1920-е годы, как отметила Лена Глаговская, на наследие Великого княжества Литовского, и особенно книжное, начали смотреть как на старобелорусскую культуру и возвращать его в белорусскую традицию [6]. Это стало возможным благодаря тем переменам в культурной политике БССР, которые начались с 1924 г. с объявления белоруссизации. «Задушенная царизмом белорусская культура должна возродиться», – призывала коммунистическая партия Беларуси [5]. «Нужны сотни–тысячи культурных работников, связанных с краем, которые знают его природу, хозяйство, историю, язык, и в то же время, способных принять участие в коммунистическом строительстве. Но более всего остро чувствуется нужда в работниках, которые могут трудиться на языке белорусском» [15]. В результате белоруссизации, за очень короткое время было сделано больше, чем за всё прошлое столетие, свидетельством тому широкая издательская деятельность на белорусском языке.

С деятельностью первого государственного белорусского научного учреждения Института Белорусской Культуры (Инбелкульт, 1922–1929) связаны и первые значительные научные достижения белорусского книговедения. Важнейшим направлением в научной работе Социально-Исторической Секции и Историко-Археологической Комиссии Инбелкульт было издание исторических документов, а также проведение научных исследований по истории книгопечатания [9]. На Первом Всебелорусском краеведческом съезде, организованном Центральным бюро краеведения Инбелкульт (7–11 февраля 1926 г.), было принято решение о проведении работы по сбору информации о сохранившихся архивах, рукописях и книгах, закрытых церковью, монастырями, именами помещиков. В резолюции, принятой по докладам М. Довнар-Запольского и М. Мороза, значительное внимание было уделено охране памятников древности, ставились задачи по разработке соответствующего закона. В изучении истории и культуры Беларуси выделялись исследования и охрана памятников письменности, среди которых «а) летописи и разные записки; б) акты, договоры, грамоты, привилегии, планы и карты; в) рукописные и старопечатные книги; г) надписи и разные знаки на камнях, стенах и т.д.» [16].

Наиболее насыщенными и яркими событиями в белорусском книговедении был наполнен 1926 год, когда вышли две солидные книговедческие работы –

это «Чатырохсотлецьце беларускага друку, 1525–1925», подготовленная и изданная научными сотрудниками Инбелкульта, и «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя» Вацлава Ластовского, жившего тогда еще в Ковно. Обе работы были посвящены юбилейной дате, которая широко отмечалась, – выходу в свет первой печатной книги на территории Беларуси «Апостол» Франтишка Скорины (Вильно, 1525)<sup>2</sup>.

Первый из названных трудов был осуществлён Инбелкультом в соответствии, как полагалось, с постановлением Совета Народных Комиссаров БССР от 4 ноября 1925 г. Прошел только год объявленной в БССР белоруссизации... Впервые деятельность белорусского первопечатника была признана на родине и получила достойную оценку в деле национально-культурного возрождения Беларуси. Сборник был подготовлен к печати редакционной комиссией во главе с Владимиром Пичетой, профессором, ректором Белорусского государственного университета, членом Инбелкульта. Авторы стремились дать не только точное описание жизни и деятельности Ф. Скорины, но и «охватить всю ту эпоху, когда жил Скорина, описать те культурные центры, в которых приходилось ему работать, и, которые, понятно, оказали на первого белорусского печатника определенное влияние» [18]. Кроме того, что Ф. Скорина зазвучал в европейском контексте, была проделана глубокая и основательная научная работа по исследованию истории белорусской книги XVI–XVII вв., которая была освещена в сборнике В. Пичетой, М. Пиотуховичем и Н. Щекотихиным. Научный труд стал значительным достижением белорусских ученых в области первооткрытий. Выделяются, несомненно, четыре внушительные аналитические публикации В. Пичеты: одна о Полоцкой земле, вторая – о белорусском возрождении, третья – о книгопечатании в Беларуси в XVI–XVII веках и четвёртая – Скориниана за 1776–1926 годы. Весомым вкладом в историю искусства белорусской книги стали результаты исследования Н. Щекотихиным оформления книг Ф. Скорины, которые вплоть до начала 1970-х оставались единственным в Беларуси источником по теме. Ценный материал в сборнике представляли и иллюстрации.

Беспрецедентным событием для белорусской книжной культуры стал и выход «Гісторыі беларускай (крыўскай) кнігі» Вацлава Ластовского, который

---

<sup>2</sup> Так отмечалось в предисловии к сборнику научных работ «Чатырохсотлецьце беларускага друку, 1525–1925», когда еще была неизвестна дата выхода «Малой подорожной книжки».

был и остается символической фигурой белорусского национального возрождения. «Противоречие между свидетельством исторических памятников и освещением их современной письменностью – просто поражающая. Беря в руки историческую книгу временных наших победителей, неизвестно чему больше удивляться, или их бескритичности, или поражающему умению тенденциозно использовать объективные свидетельства истории» [12], – писал В. Ластовский в предисловии к своему труду. Необходимо отметить, что история книги и книгоиздания интересовали В. Ластовского еще и ранее. Так, ряд его статей 1914–1925 гг. посвящен этому направлению: «350-летняя гадаўшчына друку ў Маскоўшчыне» (1914), «10-летні юбілей літоўскага друку» (1914), «1491–1916» (1916), «Паленне кніг на Беларусі» (1924), «Рухомыя друкарні на Беларусі і Украіне» (1924). В предисловии к № 1 журнала «Крывіч», издателем которого он являлся на протяжении 1923–1927 гг., им написано следующее: «Во всё время революции все наши силы были направлены в сторону защиты политических позиций, нива же нашего культурного труда была оставлена исключительно инициативе и работе отдельных деятелей. В результате получилось значительное опережение работы политической перед культурной» [12]. Одним из главнейших направлений белорусского национального возрождения, его фундаментом В. Ластовский считал именно книжное наследие своего народа, богатство которого ему удалось отразить в капитальной «Гісторыі беларускай (крыўскай) кнігі», охватывающей X – начало XIX веков. В. Ластовский понимал всю сложность и грандиозность задуманной работы. Ему, как первопроходцу, пришлось столкнуться с различными проблемами как методологического, теоретического, так и практического характера. Сам он отмечал, что «книгу случилось обрабатывать в эмиграции, не только не имея доступа к оригинальным памятникам, но даже при большой нехватке нужной литературы» [12], часть из которой была безвозвратно утрачена ещё в конце 1919 – начале 1920-х гг. во время обысков в виленской «Беларускай кнігарні», когда из его частного собрания «исчезли 24 «пергамина» XV–XVII веков, множество документов, происходивших из архива Турово-Пинского бискупства, в том числе Турово-Пинская летопись XI века...» [20]. Все утраты и преграды на его пути, как будто только укрепляли воплощение давнишней идеи восстановления исторической справедливости, неопровержимыми свидетелями которой выступали древнейшие белорусские документы, книги, бережливо собираемые и опи-

сываемые В. Ластовским-историком на протяжении долгих лет. В середине 1920-х гг. Вацлав Ластовский вплотную подошел к реализации своего плана об издании «Гісторыі беларускай (крыўскай) кнігі», осуществленного при финансовой поддержке Литовского правительства<sup>3</sup>. Отзывы в печати не заставили себя ждать. Столь грандиозный труд и национальный подвиг во имя своего народа получил неоднозначную оценку. Прозвучала и критика (С. Некрашевич) [14] и восхищенное признание значительного вклада в историю книги Беларуси [21; 22]. Кроме того, необходимо отметить, что В. Ластовский всё же одним из первых в белорусском книговедении попробовал свои силы и в типологии книги, представив её во «Вступлении» к изданию: «Святое пісаньне. – Богаслужэбная пісьменнасьць. – Богаслоўска-павучальная пісьменнасьць. – Полемічная пісьменнасьць. – Пропаведзь. – Помнікі канонічныя. – Жыцьцёпісы. – Паломніцкая пісьменнасьць. – Кронікі і летапісы. – Юрыдычныя помнікі. – Кнігі для мусульманаў. – Кнігі для жыдоў». Допуская неточности в выборе основных признаков типологии книги, В. Ластовский скрупулёзно выделяет и идентифицирует документы белорусов, кривичей, не исключает и книги для мусульман, евреев, которые создавались на территории ВКЛ. Казалось бы рассуждения общеисторического характера о Кривии, о политических связях ВКЛ с соседями и многое другое тут неуместны. Но не нужно забывать, что шёл процесс становления белорусской государственности, белорусской нации и все доводы в истории белорусской книги должны были быть фундаментальными и аргументированными. Интересна книга В. Ластовского и тем, что автор впервые репродуцировал в ней значительное количество новых иллюстраций. Он надеялся, что его книга «помимо многих её недостатков, принесёт пользу нашей возрождающейся письменности, хотя бы побуждая других к трудоёмким исследованиям на поле нашего прошлого, особенно письменности» [12].

Весной 1927 г. правительство БССР позволило Вацлаву Ластовскому приехать в Минск и заниматься научной работой. Он стал директором Белорусского государственного музея, работал в Инбелкульте. Кроме того, В. Ластовский принимал активное участие в работе Всебелорусского Общества библиофилов

---

<sup>3</sup> По предположению Я. Янушкевича работа над «Гісторыяй беларускай (крыўскай) кнігі» не останавливалась на протяжении «двух последних лет» (ЯНУШКЕВІЧ, Я. *Неадменны сакратар Адраджэння: Вацлаў Ластоўскі*. Мінск, 1995, с. 48).

(1927–1929), среди инициаторов создания которого были Николай Щекотихин (председатель), Николай Касперович, Александр Шлюбский, Анатолий Тычина, Александр Палеес, Иосиф Симановский и др. [11]. За период более чем двухлетней деятельности Общество библиофилов успело совсем немного, свидетельством того – единственное издание книги А. Шлюбского «Exlibris Тычины», которая вышла в 1928 г. (тираж 200 экз.). Хотя, как подтверждают сохранившиеся документы заседаний, устав общества и некоторые другие источники, Всебелорусское Общество библиофилов впервые в Беларуси поставило ряд книговедческих задач, а именно: научное изучение культуры белорусской книги, истории книгопечатания, искусства книги. Членов Общества волновал низкий уровень издания белорусских книг: слабое художественное оформление, типографские ошибки, халатная корректура. Важное значение для Общества приобретала и просветительская работа по привитию культуры книги через выставки; доклады по истории книги и искусству книги, печатному делу, книжным знакам. Принципиально необходимым признавалось издание трудов Общества. Однако деятельность общества не смогла развернуться в полную силу из-за репрессий, начавшихся в конце 1929 г. В 1930 г. были арестованы Вацлав Ластовский, Николай Касперович, Николай Щекотихин.

Белорусская интеллигенция, искренне проводившая в жизнь белоруссизацию, работавшая на благо своего отечества и добивавшаяся поразительных в этом результатов, вызывала подозрения и опасения со стороны советских властей: «...мы имеем дело с большой бедой во всём деле белоруссизации – белорусскую культуру мы вынуждены развивать, главным образом, руками белорусской интеллигенции. Та белорусская интеллигенция, которая работает сейчас в БССР, сложилась из нескольких элементов: бывшая эмиграция, которая перешла к нам (так называемая «Белорусская Народная Рада», сидевшая до октября 1925 г. за границей, «сложила свои полномочия») и часть интеллигенции, группировавшейся вокруг нее, мы вынуждены теперь пустить к нам, та квалифицированная интеллигенция, главным образом, культурные работники, которые после Гражданской войны остались в БССР, учительство деревни и города; литературные группы, как старых белорусских писателей, так и новая группа «Молодняк». [...] Нет у нас коммунистической интеллигенции, на беспартийную опираемся, а она с большим шовинистическим уклоном, – докладывалось о белоруссизации в Москве [17]. Позже появится Постановление Политбюро ЦК

ВКП(б) «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии» (2 марта 1933 г.) [17], а до этого еще можно было жить и использовать возможность что-то сделать для белорусской науки и культуры.

Ряд видных ученых и деятелей белорусского национального возрождения таких, как В. Пичета, Е. Карский, А. Шлюбский, Б. Эпимах-Шипила, М. Довнар-Запольский, В. Ластовский, Н. Щекотихин, Д. Довгялло, С. Некрашевич, М. Мелешко, Н. Касперович, Д. Жилунович, А. Станкевич и другие значительное внимание уделяли книговедческим проблемам. Это им принадлежит роль пионеров в области исторических и теоретических изысканий белорусского книговедения. В большей степени ими освещенными оказались вопросы истории белорусской книги и книгопечатания.

Историографический и источниковедческий характер имеют изыскания *Владимира Пичеты* («Друк на Беларусі ў XVI–XVII стагоддзях», 1926; «Skoripiana», 1926), *Александра Шлюбского* («Матэрыялы да крыўскай гісторыі. Доля кнігасховаў і архіваў зямель крыўскіх і беларускіх Вялікага княства Літоўскага», Ковно, 1925; «Матэрыялы да беларускай бібліяграфіі», 1927; «Адносіны расійскага ўраду да беларускае мовы ў XIX ст.», 1928). Последний очень активно выступал по истории периодической печати Беларуси, впервые основательно подошёл к вопросу о цензуре белорусской книги. *Митрофан Довнар-Запольский*<sup>4</sup>, проработавший в Минске с 1925 по 1926 год, имел также источниковедческие исследования («Старыя беларускія архівы за межамі БССР», 1926), и несколько работ по истории белорусской книги. Архивы и история белорусской письменности привлекали *Дмитрия Довгялло*. *Михаил Мелешко* интересовался еще и краеведением («Цэнтрархіў Беларусі», 1923; «Краязнаўства і архівы Беларусі», 1927).

Разработке принципов определения и размежевания (от русских, украинских и польских) памятников белорусской письменности и печати посвящен труд *Ефима Карского* «Белорусы» («Старая западнорусская письменность». Вып. 2, 1921, «Художественная литература на родном языке». Вып. 3, 1922). Сбором, систематизацией и изданием памятников белорусской письменности и белорусоведческих материалов занимался *Бронислав Эпимах-Шипила*. Язык бело-

---

<sup>4</sup> Впервые в 1888 г. в исследовании «Белорусское прошлое» М. Довнар-Запольский поставил вопрос необходимости национального возрождения Беларуси.

русских старопечатных изданий был ведущей темой в работах *Степана Некрашевича*<sup>5</sup> («Мова кнігі Касьяна Дымляніна Ераміты», 1928; «О уставах монастырских», 1928; «Васіль Цяпінскі. Яго прадмова, пераклад Евангелля на беларускую мову і мова перакладу», не опублікована).

1920-е годы стали новым этапом в исследовании искусства белорусских старопечатных изданий, в становлении которого основную роль сыграли труды Николая Щекотихина, первооткрывателя на этом пути в Беларуси. Он исследовал древние белорусские книжные гравюры, искусство книг Ф. Скорины, водяные знаки Литовской Метрики. Его работы отличали критический анализ, славянский и западноевропейский контекст. Впервые Щекотихин предпринял классификацию гравюр Скорины, рассмотрел его влияние на искусство оформления книги в более поздний период. Первой персоналией об отдельном художнике была и его публикация о творчестве могилёвского гравёра конца XVII – начала XVIII в. Василия Вошчанко. Ему принадлежит первенство и в разработке научной концепции истории белорусского искусства, основных направлений его развития и периодизации. Он является основоположником белорусского гравюроведения [19] («Васіль Вашчанка – магілёўскі гравёр канца XVII – пачатку XVIII ст.», 1925; «Калі нарадзіўся Францішак Скарына», 1925; «Кнігапіс», 1925; «Гравюры і кніжныя аздобы ў выданьнях Францішка Скарыны», 1926; «Да пытаньня аб храналогіі «Малой падарожнай кніжыцы» Скарыны», 1928; «Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва», т. 1, 1928).

Щекотихин тесно сотрудничал с Вацлавом Ластовским. Одной из их совместных работ в 1929 г. стал «Праваднік па адзеле сучаснага беларускага малярства і разьбярства». В этом же году *Вацлав Ластовский* начал свой большой труд «Матэрыяльная культура Беларусі (XVI–XX стст.)», что свидетельствовало о фундаментальности его подходов. История книги являлась лишь частью комплексной работы.

С открытием в 1922 г. Белорусской государственной библиотеки определились и такие книговедческие направления, как библиотековедческое и научно-библиографическое. История библиотечного дела, а также организация библиографической работы в Беларуси стали основными направлениями в

---

<sup>5</sup> В 1922–1925 гг. С. Некрашевич возглавлял Инбелкульт.



научной деятельности директора библиотеки *Иосифа Симановского*<sup>6</sup>. В 1924 г. во втором номере только что организованного журнала «Асьвета» был опубликован «Летапіс беларускага друку» (за первое полугодие)<sup>7</sup>. Благодаря деятельности *Юлии Бибило*, возглавившей белорусский отдел библиотеки, начата работа в области ретроспективной национальной и краеведческой библиографии. Ею подготовлены и изданы «Летапіс беларускага друку. Ч. 3: 1917–1924, сш. 1: Выданні на беларускай мове» (1927); «Летапіс беларускага друку. Ч. 2: 1835–1916 гг.: Паасобныя выданні на беларускай мове (з дадаткам проклямацый і адозваў 1863 і 1905 гг.)» (1929); «Летапіс беларускага друку. Ч. 4: Перыядычны друк на беларускай мове» (1927).

В результате сотрудничества Инбелкульта<sup>8</sup> и Государственной библиотеки появились такие библиографические работы, как «Геаграфія Беларусі. Падарожжы» («Наш край», 1926, № 2–3); начата многоотраслевая серия ретроспективных указателей под названием «Матэрыялы да беларускай бібліяграфіі». Однако из запланированных семи томов был издан только один и один выпуск седьмого тома. В 1927 г. вышел четвёртый том по этнографии, подготовленный А. Шлюбским, которым совместно с редколлегией Инбелкульта была разработана схема систематизации литературы, вошедшей в это издание: 1. Общая часть; 2. Материальная культура. Быт; 3. Духовная культура. Смешение формы, вида и жанра включённых материалов снижало достоинство этой объёмной работы (около 2000 названий).

Требовалась разработка основательной теоретической и методологической базы. Одним из выходов могло стать профессиональное периодическое издание, необходимость выпуска которого обсуждалась в конце 1920-х годов. И только в 1932 г., выполняя постановление бюро ЦК КП (б) Белгосиздат приступил к его подготовке. Однако, журнал книжного и библиотечного дела, библиографии и пропаганды книги с названием «Кніга – масам», издаваемый Белгосиздатом совместно с Государственной библиотекой, не был сориентирован на решение научных задач [13].

---

<sup>6</sup> Симановский И. выступал в украинском периодическом издании «Бібліологічні вісті» (1927, № 2) с оценкой деятельности Книжной палаты Беларуси.

<sup>7</sup> На протяжении 1926–1927 гг. выходили рецензии А. Шлюбского на это издание в журналах «Асьвета», «Маладняк», «Наш край».

<sup>8</sup> «Библиографическую Комиссию» Инбелкульта до 1927 г. возглавлял И. Симановский.

Основной трибуной для книговедческих материалов служили журналы краеведческого направления («Наш край») и общественно-литературного («Полымя», «Узвышша»), а также научное издание Инбелкульта «Запіскі аддзелу гуманітарных навук». За границей БССР – это «Крывіч», «Беларуская культура», газеты – «Беларуская Доля», «Беларуская Крыніца». На их страницах освещались вопросы истории книги и книгоиздания в Беларуси<sup>9</sup>, публиковались библиографические материалы. Среди авторов В. Пичета, В. Дубовка, Д. Довгялло, Д. Жилунович, А. Шлюбский, Н. Касперович, М. Мелешко, С. Некрашевич, Г. Перлин, И. Симановский, Ю. Бибила, И. Дворчанин, А. Станкевич и др.

В целом 1920-е годы в исследовании истории белорусской письменности, рукописных и старопечатных изданий были весьма плодотворными. Особенно публикации В. Пичеты, В. Ластовского, Н. Щекотихина, А. Шлюбского и других ученых открывали большие перспективы для новых исследований в области книговедения. Безусловно, белоруссизация, содействовала заинтересованному изучению всего культурного наследия Беларуси.

Однако период «позволенной» белоруссизации был весьма кратким. В конце 1929 – начале 1930-х годов наступает трагический исход в жизни и научных перспективах белорусской интеллигенции, объявленной «нацдемами» («Союз освобождения Беларуси»), большинство из которой подверглась арестам, высылке и уничтожению. Труды репрессированных ученых были запрещены и закрыты в спецхранах. Невежество коснулось и наследия Франтишка Скорины, дабы опорочить его имя и лишить белорусов своих корней, он обвинялся в том, что не был рабочим или крестьянином, объявлялся езуитом... Печать пестрила обличительными статьями [1; 4; 5; 8].

Начались массовые аресты<sup>10</sup>... Вплоть до «хрущевской оттепели», до начала 1960-х годов в белорусском книговедении наступило затишье.

---

<sup>9</sup> Не только белорусов, но и других народов, например, евреев: ПЕРЛІН, Г. Да гісторыі яўрэйскага друку на Беларусі. См: *Наш край*. Менск, 1927, № 8–9, с. 11–15.

<sup>10</sup> В 1930 году были арестованы Б. Эпимах-Шипила (выехал в Ленинград); В. Пичета (сослан в Вятку); А. Шлюбский (сослан в Нижний Новгород); С. Некрашевич (сослан в Удмуртскую АССР), М. Мелешко (сослан в Самару); Н. Касперович (сослан, повторно арестован в 1937 г.); В. Ластовский (сослан в Саратов, повторно арестован в 1937 г.); Н. Щекотихин (сослан в Башкирскую АССР); В. Дубовка сослан в Еранск); в 1931 г. умер Е. Карский; в 1933 г. арестован И. Дворчанин; в 1936 г. арестован Д. Жилунович; в 1937 г. арестован Д. Давгялло (сослан в Казахстан).

Однако значение научных основ, заложенных в белорусском книговедении в 1920-е годы непреходяще. Ведь благодаря им, в том числе, можно отметить, что Беларусь имела определенную культурную самостоятельность.

Главные уроки книговедческого наследия Беларуси 1920-х годов:

*по форме*: документальное наследие – важнейшая составляющая существования и развития нации; деятельность специальных научных и общественных центров – мощное средство для концентрации интеллектуальных сил и достижения плодотворных результатов в разработке теории, методологии и истории науки о книге; профессиональный печатный орган – необходимый инструмент для развития и распространения знаний; подготовка научных кадров – закрепление достигнутых результатов, перспектива успешного решения проблемных вопросов; *по содержанию*: книговедческие исследования стали составляющим звеном в историческом, архивном, краеведческом; филологическом и культурологическом комплексах; определились основные направления исследований: источниковедение, историография; охрана памятников книжной культуры; история книги и книгопечатания; скориноведение; искусство старопечатной книги; библиотековедение и библиография; библиофилия (экслибристика); культура книги; наметились проблемные направления: принципы и критерии идентификации национального документа; типология книги; теория, методика и методология науки о книге.

Таким образом, в белорусском книговедении 1920-х годов были заложены те основы, которые продолжали и продолжают развиваться в Беларуси.

*Вручено в декабре 2006 г.*

## ССЫЛКИ

1. АЛЕКСАНДРОВИЧ, А. Прадмова. *Маладняк*. 1931, № 3, с. 128.
2. АНЦІПЕНКА, А. Этнас, нацыя, нацыянальная самасвядомасць: Да вызначэння падставовых паняццяў. In *Беларусіка=Albaruthenica*. Кн.3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх ўзаемадзеянне. Мінск, 1994, с. 140.
3. АСТАПЕНКА, А. Беларускі нацыяналізм у кантэксце еўрапейскай цывілізацыі. In *Нацыянальныя пытанні: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый»* (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.). Мінск, 2001, с. 112–120.
4. БАБРОЎСКІ, Л., ШПІМЛЕЎСКІ, І. Мовазнаўства як сродак класавай барацьбы ў руках беларускіх нацыянал дэмакратаў. *Савецкая краіна*, 1931, № 3, с. 66–69.

5. БАРЫЧЭЎСКИ, А.І. Беларуская літаратура ў асвятленні расійскіх энцыклапедый. *Польмя*, 1931, № 9, с. 136–137.

6. ГЛАГОЎСКАЯ, Л. Роля культуры ў развіцці беларускай нацыянальнай свядомасці ў міжваенны перыяд. In *Нацыянальныя пытанні: Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый»* (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.). Мінск, 2001, с. 97.

7. ГЛЫБМННЫ, У. *Доля беларускай культуры пад Саветамі*. Мюнхен, 1958, с. 23.

8. ЖЫЛУНОВИЧ, З. Нацыянал-дэмакратызм за «працай». *Маладняк*. 1930, № 12, с. 136, 142.

9. *Институт Белорусской Культуры: (Краткая информация)*. Мінск, 1927, с. 4.

10. *Крывіч*. Коўна, 1923, № 1, с. 1.

11. КУРКОЎ, І. М. З гісторыі Усебеларускага таварыства бібліяфілаў. In *Матэрыялы Першых кнігазнаўчых чытанняў (Мінск, 15 верас. 1998 г.)*. Нац. б-ка Беларусі; Склад. Т. І. Рошчына. Мінск, 2000, с. 136–157.

12. ЛАСТОЎСКИ, В. *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: Спроба паяснёўчай кнігопісі ад канца Х да пачатку XIX стагоддзя*. Коўна, 1926, с. V, VIII, 1–14.

13. ЛЯВОНЧЫКАЎ, В. Е. *Беларуская бібліяграфія: Агульны курс*. Мінск, 1991, с. 123.

14. НЕКРАШЭВІЧ, С. В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. *Асвеца*. 1926, № 5, с. 168.

15. *Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике*. Ч. 1: Белоруссизация. Мінск, 1927, с. 132–133.

16. *Працы Першага Ўсебеларускага краязнаўчага з'езду 7–11 лютага 1926 году*. Інбелкульт; Цэнтр. Бюро Краязнаўства; Адказ. рэд. А. Смоліч. Мінск, 1926, с. 63.

17. *ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос*. Кн. 1. 1918–1933 гг. Сост. Л. С. Гатогова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Москва, 2005, с. 335–342, 702.

18. *Чатырохсотлецце беларускага друку, 1525–1925*. Адказ. рэд. А. Смоліч. Мінск, 1926, [с. X].

19. ШМАТАЎ, В. *Мастацтва беларускіх старадрукаў XVI–XVIII стст.* Мінск, 2000, с. 6–7.

20. ЯНУШКЕВІЧ, Я. Вяртанне з нематы. In ЛАСТОЎСКИ, В. *Выбраныя творы*. Мінск, 1997, с. 11.

21. CERNY, A. *Slovanský přehled*. 1926, Roč. XVIII.

22. ROXOLANUS. Kapitalne dzieło. *Przegląd Wileński*. 1927, № 10.

## BELARUSIAN BIBLIOLOGY AND NATIONAL REVIVAL IN 1920s

LARISA DOVNAR

### Abstract

Setting oneself the determination of the Belarusian bibliology development directions in the national revival context as an object of the report and solving a problem of the definite reconstruction of the book knowledge in 1920s the author notes that the knowledge was one of the basic rests of the Belarusian national identification.

Development of the Belarusian bibliology in the 1920s was connected closely with the second wave of the national revival in 1918–1929 (BSSR) and 1921–1939 (the Western Belarus). This period

might be called the most fruitful period of the Belarusian nation development. Achievements of the short period surpass the whole 19<sup>th</sup> century.

The first Belarusian bibliography significant achievements are connected with the first Belarusian scientific establishment “Inbelkult” (1922–1929) activities.

The year of 1926 was full up the events when the solid two bibliological works were published: “400 years of Belarusian press, 1525–1925” and “Belarusian (Kryvian) book history” by Vatslav Lastovski. In the same year the Belarusian society of bibliophiles was established. The society first began to research a number of bibliological problems: Belarusian book culture, book press history, book art.

A number of prominent scientists and Belarusian national revival figures paid great attention to bibliological problems. There were E. Karski, V. Picheta, B. Epimah-Shinila, M. Dovnar-Zapolski, V. Lastovski, A. Shliubski N. Shchekotichin, D. Dovgialo, S. Nekrashevich, M. Meleshko, N. Kasperovich, D. Zhelunovich, A. Stankevich. These figures were the pioneers in the field of Belarusian bibliography theory and history.

After the State BSSR library opening the scientific-bibliographical and library science fields were started to be researched (I. Simanovski, J. Bibila). There was scientific discussion of professional periodical press creation too. The study of local lore (“Nash kraj”) and socio-literary (“Polymia”, “Uzvysha”) magazines as well as “The Inbelkult humanities department works» became the basic Belarusian bibliological tribune.

However the Belarusian revival period was too short. In the end of the 1929s – in the beginning of the 1930s the Belarusian intellectuals tragedy took place. Many of them were called “natsdems” and prisoned or executed by the Soviet authorities. Right up to the beginning of the 1960s the Belarusian bibliography was in stagnation.

The main lessons of the 1920s Belarusian bibliological heritage:

*in form:* documental heritage is the most important constituent of national development; activities of special scientific and social centres are the powerful tools of the intellectual power concentration and progress in bibliological theory, methodology and history; professional bibliological printing is the essential tool of the knowledge development and dissemination; scientific staff training is the essential condition of successful bibliological projects;

*in content:* bibliological investigations became a section of historical, archival, study of local lore, philological, culturological complexes; the investigations basic directions are fixed: source study, historiography, preservation of memorials of book culture, book and book printing history, study of Skaryna, ancient book printing art, library science and bibliography, bibliophilia (ex-libristics), book culture; the research directions are defined: principles and criterions of national document identification; book typology, methods and methodology of bibliography.

But the Belarusian book science achievements of the 1920s are very important. They shows the definite culture independence of Belarus.

## **BALTARUSIJOS KNYGOTYRA IR NACIONALINIS ATGIMIMAS TREČIAJAME XX AMŽIAUS DEŠIMTMETyje**

LARISA DOVNAR

Santrauka

Siekdama nustatyti Baltarusijos bibliologijos plėtros kryptį nacionalinio atgimimo kontekste ir išspręsti trečiojo dešimtmečio knygotyros rekonstrukcijos problemą autorė pripažįsta, kad žinios – tai svarbiausias išlikęs Baltarusijos nacionalinės tapatybės elementas.

Trečiojo dešimtmečio Baltarusijos bibliologijos raida buvo glaudžiai susijusi su antrąja nacionalinio atgimimo banga 1918–1929 metais Baltarusijoje ir 1921–1939 metais Vakarų Baltarusijoje. Tai vaisingiausias Baltarusijos nacionalinės plėtros laikotarpis. Nors jis ir labai trumpas, jo laimėjimai lenkia viso XIX amžiaus laimėjimus.

Pirmieji reikšmingi Baltarusijos bibliologijos rezultatai siejami su pirmąja šalies mokslinė draugija „Inbelkult“ (1922–1929) ir jos veikla.

1926 metai buvo kupini įvykių: išleisti du solidūs Vaclavo Lastovskio darbai (*400 metų Baltarusijos spaudai, 1525–1925* ir *Baltarusijos (krivičių) knygos istorija*), įkurta Baltarusijos bibliofilų draugija, pradėjusi tyrinėti bibliologijos problemas (Baltarusijos knygos kultūrą, knygos leidybos istoriją, knygos meną).

Nemažai žymių Baltarusijos mokslininkų ir nacionalinio atgimimo veikėjų domėjosi knygotyros problemomis (E. Karskis, V. Pičeta, B. Epimah-Šinila, M. Dovnaras-Zapolskis, V. Lastovskis, A. Šliubskis, N. Ščekotichinas, D. Dovgialo, S. Nekraševičius, M. Meleško, N. Kasperovičius, D. Želunovičius, A. Stankevičius). Jie buvo Baltarusijos knygotyros teorijos ir istorijos pionieriai.

Naujos Baltarusijos SSR bibliotekos darbuotojai pradėjo bibliografijos ir bibliotekininkystės tyrimus (I. Simanovskis, J. Bibila). Pradėta diskusija dėl profesinės periodikos. Baltarusijos knygotyros forumais tapo žurnalai „Nash kraj“, „Polymia“, „Uzvysha“ ir „Inbelkult humanitarinių mokslų darbų leidinys“.

Tačiau Baltarusijos atgimimo laikotarpis buvo labai trumpas: 1929 m. pabaigoje – 1930 m. pradžioje įvyko didžioji Baltarusijos intelektualų tragedija. Dauguma buvo apšaukti „nacdemais“ ir įkalinti arba nužudyti. Iki pat septintojo dešimtmečio Baltarusijos knygotyrą buvo apėmęs sąstingis.

Trečiojo dešimtmečio Baltarusijos knygotyros paveldas moko, kad:

- 1) dokumentinis paveldas yra svarbiausia sudedamoji nacionalinės raidos dalis; specializuotų mokslo ir socialinės veiklos centrų veikla yra galingas įrankis, telkiantis intelektualines pajėgas, ir knygotyros teorijos, metodologijos bei istorijos pažangos variklis; profesinė knygotyros spauda yra svarbi žinių kūrybos ir sklaidos priemonė; mokslo darbuotojų ugdymas – svarbiausia sėkmingų knygotyros projektų įgyvendinimo sąlyga;
- 2) knygotyros tyrimai tampa istorijos, archyvistikos, kraštotyros, filologijos, kultūrologijos komplekso dalimi; svarbiausios tyrimų sritys yra šios: šaltiniotyra, istoriografija, knygos kultūros paminklų išsaugojimas, knygos ir leidybos istorija, P. Skorinos senųjų knygų spaudos studijos, bibliotekininkystė ir bibliografija; bibliofilija, knygos kultūra; tyrimo kryptys apima nacionalinių dokumentų identifikacijos tyrimus, knygos tipologiją, bibliologijos metodus ir metodologiją.

Baltarusijos knygotyros laimėjimai trečiajame XX a. dešimtmetyje yra labai svarbūs. Jie rodo akivaizdžią Baltarusijos kultūros autonomiją.